

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда

город Санкт-Петербург

31 октября 2024 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

с участием представителя Краснодарского краевого суда – судьи Краснодарского краевого суда Д.В.Внукова, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Ю.А.Петрова, представителя Совета Федерации – председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.В.Коновалова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «б» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 101, 102 и

104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второй статьи 208 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Краснодарского краевого суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.А.Сивицкого, объяснения представителей сторон и выступления приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации – А.Н.Марьина и Л.М.Пчелинцевой, от Генерального прокурора Российской Федерации – С.А.Бочкарева, от Министерства юстиции Российской Федерации – А.В.Таманцевой, от Российского союза промышленников и предпринимателей – А.В.Варварина, от федерального государственного бюджетного научного учреждения «Исследовательский центр частного права имени С.С.Алексеева при Президенте Российской Федерации», подготовившего заключение по делу, – Л.Ю.Михеевой, от федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», подготовившего заключение по делу, – С.А.Синицына, от федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук, подготовившего заключение по делу, – А.И.Александрова, оглашенные в зале заседания позиции полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н.Москальковой, а также выступления направивших в Конституционный Суд Российской Федерации позиции по рассматриваемому

вопросу С.Л.Савельева и Д.А.Мальбина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В запросе Краснодарского краевого суда оспаривается конституционность следующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации:

статьи 195, определяющей, что исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено;

статьи 196, согласно которой общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 данного Кодекса; срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

пункта 1 статьи 197, предусматривающего, что для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком;

пункта 1 статьи 200, закрепляющего, что, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права;

абзаца второго пункта 2 той же статьи о том, что по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании срока, предоставляемого для исполнения такого требования; при этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десять лет со дня возникновения обязательства;

абзаца второго статьи 208, устанавливающего, что исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законом.

1.1. На рассмотрении судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда по апелляционным жалобам ряда ответчиков находится гражданское дело по исковому заявлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации к гражданину К., а также к иным гражданам как действующим согласованно с К. или по его указанию с целью сокрытия, легализации и приумножения полученного коррупционным путем имущества и к юридическим лицам как имеющим доли в уставных капиталах иных юридических лиц либо акции иных юридических лиц, конечными владельцами которых являются соответствующие граждане, об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного в нарушение законодательства о противодействии коррупции. Юридическим основанием заявленных требований послужили положения статьи 169 и подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации в их взаимосвязи со статьями 3, 13 и 14 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Решением Каневского районного суда Краснодарского края от 9 февраля 2024 года установлено, что К. с 2001 года по 2002 год являлся федеральным инспектором аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, а с 2002 года по 2004 год занимал в этом же аппарате должность главного советника управления по работе с органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Вопреки запретам и ограничениям, установленным законодательством, он занимался предпринимательской деятельностью, с использованием своего должностного положения получал информацию о предприятиях, их дорогостоящих имущественных комплексах и занятом ими земельном фонде, вмешивался в их деятельность, в том числе завладевал долями в уставных капиталах хозяйственных обществ и акциями таковых (нередко в размере 100 процентов), и, действуя через доверенных и

подставных лиц (номинальных владельцев имущества), скрытно владел и осуществлял управление ими. К. использовал свое должностное положение в пользу соответствующих хозяйственных обществ, вкладывал, в том числе после ухода с государственной службы, доходы от полученных коррупционным способом активов в приобретение новых активов на территории ряда субъектов Российской Федерации. Впоследствии из этих обществ была сформирована группа компаний, участие в которой он после оставления службы легализовал. Также установлено участие К. в период пребывания его в должности государственной службы в реализации с помощью доверенных лиц активов федерального государственного унитарного предприятия (оборонного предприятия), находившегося в процедуре банкротства, и последующее направление полученной прибыли для нужд собственной предпринимательской деятельности.

В результате рассмотрения дела искивые требования заместителя Генерального прокурора Российской Федерации удовлетворены, в доход Российской Федерации обращены акции и доли в уставных капиталах 22 хозяйственных обществ общей стоимостью свыше 9 млрд руб.

Судом первой инстанции отклонены доводы ответчиков о том, что срок исковой давности по соответствующим требованиям должен исчисляться с момента, когда Российская Федерация в лице уполномоченных органов узнала или должна была узнать о нарушении своего права, т.е. с даты регистрации в ЕГРЮЛ долей участия ответчиков в хозяйственных обществах, а также зачисления на их лицевые счета спорных ценных бумаг, а десятилетний срок исковой давности, предусмотренный пунктом 2 статьи 196 ГК Российской Федерации, к моменту рассмотрения дела истек. Суд указал, что институт исковой давности неприменим, поскольку объектом защиты в такого рода спорах выступает не чье-либо субъективное право, а интересы всего общества и государства. Как отмечено в решении суда, применение сроков исковой давности к антикоррупционным искам не соответствует требованиям законности и справедливости, способствует нахождению в гражданском обороте незаконно полученного (приобретенного) имущества, его

легализации, сокрытию от контролирующих органов и в итоге – поощрению коррупционного поведения и противоправному обогащению, что несовместимо с принципами существования и деятельности правового государства.

Не согласившись с решением суда первой инстанции, ответчики обратились в Краснодарский краевой суд с апелляционными жалобами, в которых ссылаются, в частности, на пропуск прокурором срока исковой давности. Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда, рассматривая эти жалобы, приостановила производство по делу и обратилась с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации.

В запросе отмечается, что в судебной практике по вопросу о применимости исковой давности к искам прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного вследствие нарушения лицом требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции (далее также – антикоррупционные иски), сформированы взаимоисключающие подходы. В некоторых случаях суды отдавали приоритет частным интересам и целям стабильности гражданского оборота, допуская применение исковой давности, тогда как в других делах, напротив, исходили из приоритета публичных интересов и целей противодействия коррупции, в связи с чем делали вывод о неприменимости исковой давности к антикоррупционным искам. В запросе приводятся примеры дел, в которых применены названные подходы, причем подчеркивается, что конфликт правовых подходов не обусловлен различными фактическими обстоятельствами этих дел.

Заявитель указывает, что такая практика ставит граждан в неравное положение, позволяя отдельным лицам избежать ответственности за деяния коррупционной направленности, а также препятствует правильному разрешению споров ввиду порождаемой ею неопределенности в вопросе о применимости исковой давности к антикоррупционным искам. При этом заявитель также отмечает, что применение сроков исковой давности в такого рода делах придаст злоупотреблениям коррупционеров смысл и перспективу, будет поощрять противоправную деятельность лиц и более тщательное

сокрытие ими неправомерно нажитого имущества, предоставит замешанным в коррупции лицам необоснованные преимущества, что подрывало бы надлежащее функционирование рыночной экономики, веру граждан в законность, добро и справедливость в государстве.

Соответственно, Краснодарский краевой суд просит проверить статьи 195 и 196, пункт 1 статьи 197, пункт 1 и абзац второй пункта 2 статьи 200, абзац второй статьи 208 ГК Российской Федерации на соответствие статьям 1 (часть 1), 6 (часть 2), 15 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 35 (части 1 и 3), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они с учетом принципов противодействия коррупции, установленных статьей 3 Федерального закона «О противодействии коррупции», в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, создают неопределенность в вопросе о применимости исковой давности к антикоррупционным искам.

1.2. Препятствием для рассмотрения данного дела не является то обстоятельство, что в Определении от 19 декабря 2019 года № 3559-О, а затем в Постановлении от 4 июля 2022 года № 27-П (при исключении вопроса об исковой давности из предмета рассмотрения) Конституционный Суд Российской Федерации не отрицал применимость исковой давности к отношениям, урегулированным Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». В жалобах, по которым приняты названные решения, заявителями перед Конституционным Судом Российской Федерации ставился, по сути, вопрос не о соответствии Конституции Российской Федерации самой возможности или невозможности применения института исковой давности к обозначенным правоотношениям, а о правильности исчисления срока исковой давности в их конкретных делах, в которых момент начала течения этого срока был увязан судами с выявлением органами прокуратуры фактов, указывающих на приобретение имущества в отсутствие законных доходов, позволяющих осуществить его приобретение.

Разрешение такого вопроса, как было отмечено в названных решениях, не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, определенную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая дело в порядке конкретного нормоконтроля, должен определить предмет рассмотрения с учетом особенностей содержания правоотношений в конкретном деле, в связи с состоявшимся или предстоящим применением в котором оспариваются нормативные положения, имея в виду, однако, и судебную практику по аналогичным делам.

В деле, находящемся в производстве Краснодарского краевого суда, решается вопрос об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное в результате совершения указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано (далее также – производное имущество). Именно это обстоятельство, а не иные основания изъятия имущества из частной собственности в публичную (как, например, неправомерное выбытие имущества из федеральной собственности в результате нарушения порядка приватизации), лежит в основе исковых требований прокурора, базирующихся на представленных им доказательствах совершения конкретным лицом в период занятия должности, на которую распространяются антикоррупционные требования и запреты, их нарушения, в результате чего им было получено имущество, об обращении которого, в том числе производного имущества, в доход Российской Федерации заявлено требование. Поэтому и предмет рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в рамках настоящего дела ограничивается этим контекстом применения оспариваемых норм.

В запросе Краснодарского краевого суда ставится вопрос о проверке конституционности не всего правового комплекса, регламентирующего выявление прокурорами нарушения лицом в период занятия им соответствующей должности требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, и приобретения вследствие этого имущества, в том числе производного имущества, а также регулирующего предъявление и обоснование исковых требований об обращении в доход Российской Федерации указанного имущества, а только тех нормативных положений, которые касаются применимости в этом случае института исковой давности. Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в обращении; однако рассмотрение дела во всяком случае осуществляется с учетом места оспариваемых положений в системе правового регулирования (части вторая и третья статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), т.е. с учетом их нормативной связи с иными элементами соответствующего правового комплекса.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные статьи 195, 196, пункт 1 статьи 197, пункт 1 и абзац второй пункта 2 статьи 200, абзац второй статьи 208 ГК Российской Федерации в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о возможности распространения установленных ими положений об исковой давности (в том числе об общих трехлетнем и десятилетнем сроках исковой давности и правилах их течения) на содержащиеся в исковых заявлениях Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров требования об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) должность, на которую распространяются требования и запреты, направленные на предотвращение коррупции, вследствие их нарушения, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное в результате совершения указанных нарушений имущество

(доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано.

2. Многоаспектность негативного воздействия коррупции на жизнь общества и государства позволяет отнести ее к числу особенно опасных социальных явлений. Наиболее тяжелым последствием и самым существом коррупции является нарушение принципов справедливости и равенства (правового эквивалента). Она оказывает разрушительное, угнетающее воздействие на сферу реализации публичной власти, расшатывает ее легитимность, способна подорвать веру граждан в законность, добро и справедливость, является существенным препятствием для правового, демократического и социально-экономического развития страны. Это тем более актуально для Российской Федерации, социально-экономическая, политическая и правовая системы которой прошли с начала девяностых годов прошлого века сложный период трансформации.

В силу Конституции Российской Федерации Россия как правовое демократическое государство обязана принимать для противодействия коррупции достаточные и эффективные правовые меры, включая направленные на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 26-П и от 9 января 2019 года № 1-П). Принятие эффективных мер по противодействию коррупции является одним из важнейших условий обеспечения конституционной законности, правового равенства, взаимного доверия государства и общества (статья 15, часть 2; статья 19, часть 1; статья 75¹ Конституции Российской Федерации).

Необходимость принятия таких мер вытекает и из требований Конвенции ООН против коррупции (принята 31 октября 2003 года Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН), согласно которой предупреждение и искоренение коррупции – это обязанность всех государств, поскольку коррупцией порождаются проблемы и угрозы для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и

ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку. Незаконное приобретение личного состояния может нанести ущерб демократическим институтам, национальной экономике и правопорядку, а потому для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней необходим всеобъемлющий и многодисциплинарный подход (преамбула).

2.1. Принятие действенных мер по борьбе с коррупцией подразумевает установление определенных требований и запретов (ограничений) для лиц, должности которых связаны с повышенным коррупционным риском, а также создание специальных механизмов контроля в отношении них, их доходов и приобретаемого ими имущества. Не вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации и распространение ряда обусловленных замещением (занятием) соответствующей должности ограничений также на период, когда лицо уже прекратило ее замещать (занимать).

Еще до принятия ныне действующей Конституции Президент Российской Федерации издал Указ от 4 апреля 1992 года № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», в котором – с учетом того, что коррупция в органах власти и управления ущемляет конституционные права и интересы граждан, подрывает демократические устои и правопорядок, дискредитирует деятельность государственного аппарата, извращает принципы законности, – были установлены определенные запреты и обязанности для служащих государственного аппарата.

В системе действующего правового регулирования антикоррупционные меры в развитие конституционных положений предусматриваются как в специальном законодательстве о противодействии коррупции, в частности в Федеральном законе «О противодействии коррупции» и Федеральном законе «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», так и в законодательстве о статусе лиц, выполняющих публичные функции (Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», федеральные законы от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации

и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и др.). Определен круг лиц, на которых распространяется действие антикоррупционного законодательства, включая как лиц, замещающих (занимающих) или замещавших (занимавших) государственные и муниципальные должности и должности государственной и муниципальной службы, так и лиц, замещающих (занимающих) или замещавших (занимавших) должности в иных связанных с осуществлением публичных функций институтах, в том числе в государственных корпорациях (компаниях), публично-правовых компаниях (далее также – лицо, занимающее (занимавшее) публично значимую должность).

В то же время вне зависимости от наличия законодательных требований и ограничений, направленных на противодействие коррупции, а также специальных механизмов противодействия коррупции использование лицом, занимающим (занимавшим) публично значимую должность, своего должностного статуса для незаконного обогащения недопустимо уже в силу действующей прямо и непосредственно Конституции Российской Федерации, ее статей 1 (часть 1), 3 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 18 и 19 (часть 1), и представляет собой конституционно-правовой деликт, посягающий на основы конституционного строя, а недопустимость совершения этого деликта должна быть очевидна для каждого такого лица.

Граждане, добровольно избирая профессиональную деятельность, предполагающую выполнение публичных функций, соглашаются с ограничениями, связанными с приобретаемым ими правовым статусом, а потому введение особых правил прохождения государственной и муниципальной службы и требований к избравшим ее лицам, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, само по себе не может рассматриваться как нарушение закрепленных статьями 19 (часть 1), 32 (часть 4) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на равный доступ к государственной службе и права свободно распоряжаться своими способностями к труду (постановления от 8 декабря 2015 года № 31-П, от 29

ноября 2016 года № 26-П, от 8 ноября 2023 года № 51-П и др.). Данная правовая позиция в принципиальном плане относима и к ограничениям, связанным с занятием других публично значимых должностей.

Конституция Российской Федерации допускает ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3). Определяя на основе этого положения с учетом требований статей 17 (часть 3) и 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации критерии допустимости ограничения прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что цели таких ограничений должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения – соразмерны этим целям. При допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями следует использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры. Публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать ограничения прав и свобод, только если они адекватны социально необходимому результату. В ходе правового регулирования недопустимо искажение самого существа конституционного права или свободы, а задачи одной лишь рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод (постановления от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 22 июня 2010 года № 14-П, от 13 июля 2010 года № 16-П, от 20 июля 2012 года № 20-П, от 9 января 2019 года № 1-П, от 28 декабря 2022 года № 59-П и др.).

С учетом этих правовых позиций характер и степень ограничения права могут быть обусловлены в том числе уровнем тех угроз и рисков, на преодоление которых ограничение направлено, а также степенью противоправности и формами проявления тех действий субъектов правоотношений, реакцией на которые выступает ограничение права.

2.2. В силу правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации относительно института исковой давности и давности привлечения к административной, налоговой и уголовной ответственности, ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, целью установления сроков давности является как обеспечение эффективности реализации публичных функций, стабильности правопорядка и рациональной организации деятельности правоприменителя, так и сохранение стабильности правовых отношений и гарантирование конституционных прав лица, совершившего деяние, влекущее для него правовые последствия, поскольку никто не может быть поставлен под угрозу возможных негативных последствий на неопределенный или слишком длительный срок. Наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступить неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий (постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 14 июля 2005 года № 9-П и от 24 июня 2009 года № 11-П; Определение от 3 ноября 2006 года № 445-О и др.). Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал значимость обеспечения правовой определенности, стабильности и предсказуемости в сфере гражданского оборота, поддержания как можно более высокого уровня взаимного доверия между субъектами экономической деятельности и создания необходимых условий для эффективной защиты гарантированного статьей 35 Конституции Российской Федерации права собственности и иных имущественных прав (постановления от 14 мая 2012 года № 11-П, от 15 февраля 2016 года № 3-П, от 21 мая 2021 года № 20-П, от 26 апреля 2023 года № 21-П и др.).

В то же время требование о наличии и применении давностных сроков не является в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации абсолютным. В частности, исключения из общего правила о сроке исковой давности допустимы, если они необходимы в целях защиты прав и свобод граждан, а также поддержания баланса публичных и частных интересов исходя из принципов справедливости, равенства и соразмерности

(пропорциональности) (Постановление от 20 июля 2011 года № 20-П). Эти принципы, обуславливая обеспечение одинакового объема юридических гарантий всем лицам, относящимся к одной категории, предполагают отказ в применении срока давности по требованию тех, кто, противодействуя мерам контроля (проверкам), направленным на выявление противоправного поведения, использует положение о сроках давности вопреки его предназначению, в ущерб правам других лиц и правомерным публичным интересам (Постановление от 14 июля 2005 года № 9-П).

Данному подходу созвучно то, что в ряде решений Конституционный Суд Российской Федерации указал на вытекающую из статей 15 (часть 2) и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации недопустимость – как противоречащего основам российской правовой системы – такого использования защиты закона и суда, которое осуществлялось бы вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотреблений правом в случае, если притязания лица на применение в его отношении юридических средств защиты, предоставленных действующим правовым регулированием, основаны на их недобросовестном использовании в противоправных целях. Иное позволяло бы вопреки назначению правового государства и правосудия, которое определяется, в частности, статьями 1 (часть 1), 18, 45, 46 (части 1 и 2) и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации, извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (постановления от 10 марта 2022 года № 10-П и от 30 октября 2023 года № 50-П; Определение от 14 декабря 2021 года № 2644-О).

Таким образом, разрешение вопроса о сроке давности в конкретных правоотношениях требует учета их правовой природы и достижения баланса охраняемых Конституцией Российской Федерации частных и публичных интересов. Произвольные же регламентация и применение сроков давности несовместимы с требованиями Конституции Российской Федерации.

Это во всяком случае не ставит под сомнение необходимость применения гарантий судебной защиты, которые распространяются как на

сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 1997 года № 8-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П, от 4 июля 2022 года № 27-П и др.). Судебная защита должна быть справедливой, компетентной, эффективной и осуществляться на основе принципов состязательности и равноправия сторон, непосредственности и устности судебного разбирательства (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации; статьи 12 и 157 ГПК Российской Федерации).

Обязательность судебной процедуры принятия решения о принудительном изъятии у частного лица имущества в публичную собственность не ставится под сомнение тем, что, как не раз отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, гарантии права собственности, закрепленные в статье 35 Конституции Российской Федерации, предоставляются лишь в отношении права, возникшего на законных основаниях (постановления от 11 марта 1998 года № 8-П и от 11 ноября 2021 года № 48-П; определения от 25 марта 2004 года № 85-О, от 13 октября 2009 года № 1276-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1071-О-О, от 20 ноября 2014 года № 2590-О, от 28 января 2016 года № 141-О и др.). Именно в судебной процедуре может быть окончательно решен вопрос о наличии или отсутствии законных оснований возникновения соответствующих прав, а следовательно, и о юридической судьбе имущества.

3. Поскольку именно незаконное обогащение является конечной целью совершения деяния коррупционной направленности, государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной. Это согласуется с общими направлениями и принципами государственной антикоррупционной политики, включая перечисленные в статье 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» принципы неотвратимости ответственности за совершение противоправных деяний коррупционной направленности, комплексного использования политических, организационных, информационно-

пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, а также приоритетного применения мер по предупреждению коррупции (пункты 4–6). Иное способствовало бы коррупционному обогащению, легализации имущества, полученного в результате коррупционных деяний, в том числе путем преобразования его (доходов от него) в иное имущество, допускало бы беспрепятственный оборот такого имущества, не ставя тем самым надлежащих преград коррупционному поведению, а потому вступало бы в противоречие с требованиями статей 4 (часть 2), 7 (часть 1), 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 52, 55 (часть 3) и 75¹ Конституции Российской Федерации.

Меры, предполагающие обращение в доход государства имущества и денежных средств, в отношении которых не опровергнута презумпция незаконности происхождения или установлена незаконность происхождения, имеют, являясь по своему существу особой формой правового государственного принуждения наряду с уголовно-правовыми и административно-деликтными мерами, конституционно значимую публичную цель борьбы с деяниями коррупционной направленности. Они ориентированы на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и правового государства, на защиту демократического строя. Наличие таких мер и их действенное применение призваны повысить результативность противодействия коррупции, предотвратить риски, связанные с неправомерным влиянием на государственных и муниципальных служащих, иных выполняющих публично значимые функции лиц и тем самым – с возможностью сращивания публичной власти и бизнеса, а тем более публичной власти и криминала.

Соответственно, обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества и денежных средств, принадлежащих лицу, подпадающему под действие антикоррупционного законодательства, будучи введенным федеральным законодателем в целях противодействия коррупции, как таковое направлено на защиту конституционно значимых ценностей и, следовательно, не нарушает требований Конституции Российской Федерации

(постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 26-П и от 9 января 2019 года № 1-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2017 года № 1163-О).

Имущество, подлежащее изъятию по антикоррупционным искам, обращается в доход Российской Федерации. Поступая в федеральную собственность, данное имущество, таким образом, подлежит использованию на благо всего общества, что направлено на восстановление социальной справедливости и укрепление социальной солидарности в сфере борьбы с коррупцией. Несмотря на то что такое обращение имущества в доход Российской Федерации не носит компенсаторного характера, по своей природе оно направлено на хотя бы частичное восполнение нарушения принципов справедливости и равенства (правового эквивалента).

3.1. Федеральным законодателем, действующим в пределах предоставленной ему дискреции, создан правовой механизм, предполагающий возможность обращения по искам уполномоченных на то прокуроров в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, занимающим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции (статья 169 и подпункт 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации, федеральные законы «О противодействии коррупции» и «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»).

В части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», непосредственной целью которого, как следует из его статьи 1, является противодействие коррупции, законодатель установил, что Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры в течение четырех месяцев со дня получения соответствующих материалов рассматривают их в пределах своей компетенции, установленной Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре

Российской Федерации», после чего в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно.

Согласно части 2 статьи 17 данного Федерального закона при выявлении в ходе осуществления контроля за расходами лица, замещающего (занимающего) или замещавшего (занимавшего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 его статьи 2, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов данного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры также обращаются в суд с соответствующим заявлением.

Такое обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не было представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, предполагает, что в случае выявления в соответствии с установленными этим Федеральным законом параметрами расхождения между доходами и расходами получение незаконных доходов от коррупционной деятельности презюмируется и не требуется установления и доказывания совершения конкретных деяний коррупционной направленности, вследствие которых те или иные активы приобретены контролируемым лицом (лицами). Бремя же доказывания приобретения имущества на законные

доходы лежит на самом лице, об обращении имущества которого в доход Российской Федерации предъявлен иск. Тем самым в основание антикоррупционных исков может быть положено количественное сопоставление официально получаемых данных, касающихся совокупного дохода соответствующего лица и указанных в законе членов его семьи, и произведенных ими расходов за определенный период.

На количественном сопоставлении данных основан и предусмотренный статьей 8² Федерального закона «О противодействии коррупции» институт, в рамках которого Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры рассматривают в пределах своей компетенции материалы о том, что в течение года, предшествующего году представления сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (отчетный период), на счета проверяемого лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей в банках и (или) иных кредитных организациях поступили денежные средства в сумме, превышающей их совокупный доход за отчетный период и предшествующие два года, и проверяемое лицо не представило сведения, подтверждающие законность получения этих денежных средств. Не позднее четырех месяцев со дня получения этих материалов Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры при наличии оснований обращаются в суд в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, с заявлением о взыскании в доход Российской Федерации денежной суммы в размере, эквивалентном той части соответствующих денежных средств, в отношении которой не получены достоверные сведения, подтверждающие законность получения этих средств, если размер взыскиваемых средств превышает десять тысяч рублей.

3.2. В то же время многообразие деяний коррупционной направленности, перечисленных в статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», и их повышенная латентность нередко обуславливают необходимость не только количественно сопоставлять доходы лица, занимающего (занимавшего) публично значимую должность, и членов

его семьи с расходами, но и выяснять, в частности, обстоятельства злоупотребления полномочиями, возникновения конфликта интересов, принятия правонарушителем разного рода мер, имеющих целью сокрытие таких действий, включая воспрепятствование осуществлению антикоррупционного контроля.

Поэтому в основание требований прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, занимавшим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, может быть положен не только факт несоответствия расходов законным доходам и отсутствие сведений, подтверждающих законность получения денежных средств, когда источники происхождения имущества могут оставаться невыявленными, а незаконность их презюмируется, но и установление того, что приобретение имущества обусловлено совершением этим лицом конкретных деяний коррупционной направленности.

Фактически в данном случае речь идет об обращении в доход Российской Федерации соответствующего имущества не столько в качестве имущества, в отношении которого в установленном порядке не было представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законно полученные доходы, сколько в качестве имущества, в отношении которого установлено, что оно приобретено посредством совершения противоправных деяний коррупционной направленности (включая несоблюдение антикоррупционных запретов). Установление такого источника приобретения имущества означает, что оно приобретено не на законные доходы, что согласуется с предусмотренной в подпункте 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации, Федеральном законе «О противодействии коррупции» и Федеральном законе «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» правовой целью обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской

Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы.

То обстоятельство, что согласно части 2 статьи 18 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» обязанность подачи сведений возникает в отношении сделок, совершенных с 1 января 2012 года, не означает легализацию приобретения до этой даты имущества вследствие нарушения требований и запретов, направленных на противодействие коррупции, как с очевидностью посягающего – вопреки Конституции Российской Федерации и законодательству, и до принятия названного Федерального закона предусматривавшим антикоррупционные запреты, – на основы правопорядка и нравственность.

Предшествующая редакция статьи 169 ГК Российской Федерации, не связывающая, в отличие от действующей ее редакции, возможность взыскания полученного по сделке, совершенной с заведомо противной основам правопорядка или нравственности целью, в доход Российской Федерации с наличием специального указания на такое последствие в законе и применяемая к сделкам, совершенным до дня вступления в силу действующей редакции этой статьи (часть 6 статьи 3 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»), также подразумевает возможность наступления таких последствий, но не посредством отсылки к соответствующему публично-правовому механизму, а в силу того, что коррупционные действия – как получение незаконных доходов, так и их легализация – по определению противоправны и антисоциальны, а значит, сделки, опосредующие такие действия, противоречат основам правопорядка и нравственности.

Конституционный Суд Российской Федерации в контексте особых правовых мер, направленных на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции, и тем самым на эффективное противодействие коррупции, не исключал возможности проведения в рамках

контроля за расходами на приобретение дорогостоящих объектов гражданского оборота мониторинга доходов такого лица и членов его семьи за период, предшествующий вступлению в силу Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (Определение от 6 июня 2017 года № 1163-О). Он также не нашел оснований поставить под сомнение конституционность нормативного регулирования, на основании которого было осуществлено обращение в доход Российской Федерации имущества, приобретенного по сделкам, совершенным до 1 января 2012 года (определения от 20 декабря 2016 года № 2727-О, от 25 октября 2018 года № 2552-О, от 24 октября 2019 года № 2949-О и др.). Рассматриваемая мера не выходит за пределы имущественной сферы соответствующего лица, сформированной посредством совершения деяний коррупционной направленности, поэтому ее применение не может расцениваться как несовместимое с конституционным запретом на придание обратной силы законам, вводящим публично-правовую ответственность и ухудшающим правовое положение граждан.

3.3. Последующее превращение или преобразование имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционных требований и запретов, и доходов от него в иное имущество посредством предпринимательской деятельности или же его реализации, в том числе приумножение такого имущества – будь то права участия в хозяйственных обществах, имущественные объекты, денежные средства и другие блага, – не исключают применения к такому имуществу мер, направленных на его обращение в доход государства.

Ограничение перечня объектов, подлежащих изъятию, лишь теми из них, которые приобретены во время занятия лицом, в отношении которого осуществляется проверка соблюдения антикоррупционного законодательства, публично значимой должности, при сохранении в его собственности либо же в собственности подконтрольных ему и связанных с ним лиц всего остального имущества, приобретение которого было бы невозможным без соответствующих коррупционных злоупотреблений, и с учетом того, что

стоимость имущества, полученного в результате такого преобразования, может значительно превышать стоимость первоначально приобретенных благ, означало бы, по существу, возможность легализации незаконных доходов вопреки принципам противодействия коррупции и положениям статей 1 (часть 1), 2, 3 (часть 1), 8 и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Следовательно, изъятие имущества, приобретенного за счет доходов от реализации или использования в экономической деятельности имущества, приобретенного лицом в нарушение антикоррупционных запретов во время занятия публично значимой должности, не может рассматриваться как свидетельствующее о расширительном толковании перечня объектов, подлежащих изъятию, и согласуется с международными подходами к борьбе с коррупцией (пункты 4–6 статьи 31 Конвенции ООН против коррупции). Аналогичный подход реализован и в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации о конфискации в качестве особой меры уголовно-правового характера (статья 104¹).

4. Интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота определяют не только установление судебного контроля за обоснованностью имущественных притязаний одних лиц к другим, но и введение в правовое регулирование норм, которые позволяют одной из сторон блокировать судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав спустя значительное время после того, как ей стало известно о том, что ее права нарушены. В гражданском законодательстве таково предназначение норм об исковой давности, под которой Гражданский кодекс Российской Федерации понимает срок для защиты права по иску лица, чье право нарушено (статья 195).

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что институт исковой давности имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений. Отсутствие разумных временных ограничений для

принудительной защиты нарушенных гражданских прав вело бы к ущемлению прав и охраняемых законом интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела доказательств. Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав (постановления от 15 февраля 2016 года № 3-П, от 26 ноября 2020 года № 48-П и др.; определения от 25 апреля 2023 года № 897-О, от 4 июля 2023 года № 1784-О и др.).

Как следует из содержащейся в данных правовых позициях оценки предназначения исковой давности, нормы этого института ориентированы на их применение к частноправовым отношениям, основанным, в числе прочего, на равенстве и автономии воли их участников. Этой специфике соответствуют, в частности, правила Гражданского кодекса Российской Федерации о применении исковой давности только по заявлению стороны в споре (пункт 2 статьи 199), о перерыве течения срока исковой давности совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга (статья 203), о последствиях исполнения после истечения такого срока (пункт 1 статьи 206) и др.

4.1. В то же время в случае обращения в доход Российской Федерации имущества, приобретенного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на противодействие коррупции, нельзя говорить о защите субъективного гражданского права в том значении, в котором это понятие используется в статье 195 ГК Российской Федерации. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 1 постановления от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», под правом лица, подлежащим защите судом, в данном контексте следует понимать субъективное гражданское право конкретного лица. Обращение же в доход государства имущества по рассматриваемым основаниям, хотя

соответствующие правоотношения и формируются в отношении юридической судьбы имущества, связано не с нарушением субъективных гражданских прав государства, выступающего в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений (пункт 1 статьи 124 данного Кодекса), а с нарушением лицом, выполняющим публичные функции, запретов и ограничений, установленных законодательством о противодействии коррупции.

При обращении в доход Российской Федерации соответствующего имущества целью такого требования не является восстановление прав участника гражданского оборота, как это имеет место, например, при виндикации или реституции. Не опосредует применение этой меры и гражданско-правовую ответственность за нарушение антикоррупционных требований и запретов в смысле возмещения ущерба иным лицам, пострадавшим от деяний коррупционной направленности.

Таким образом, рассматриваемое обращение в доход государства имущества, имея своей целью реализацию публичного интереса, состоящего в противодействии коррупции, а не восстановление имущественного положения участников гражданского оборота, не является по своей природе способом защиты гражданских прав. Если применение гражданско-правовых оснований изъятия имущества у лица и передачи другому лицу имеет компенсаторный, по общему правилу, характер, то при рассматриваемом обращении имущества в доход государства, напротив, цели компенсации не являются определяющими: оно служит особого рода неблагоприятным последствием противоправного поведения, применяемым в случае несоблюдения лицом антикоррупционных требований и запретов.

Уполномоченный на предъявление иска об обращении в доход государства имущества и денежных средств прокурор действует, таким образом, не в целях восстановления нарушенных субъективных гражданских прав публично-правового образования, а в целях защиты общественных и государственных интересов, что соответствует характеру возложенных на прокуратуру Российской Федерации публичных функций (статья 129

Конституции Российской Федерации), связанных с поддержанием правопорядка.

4.2. Хотя в подпункте 8 пункта 2 статьи 235 ГК Российской Федерации указано, что обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не было представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, влечет последствия в виде прекращения права собственности на такое имущество, из этого не следует вывод о частноправовой природе данного института. Являясь элементом механизма контроля за расходами лиц, занимающих (занимавших) публично значимую должность, данная норма гражданского законодательства во взаимосвязи со статьей 169 ГК Российской Федерации выступает проекцией соответствующей публично-правовой по своей природе меры и призвана обеспечить прозрачный и понятный для участников гражданско-правовых отношений порядок перехода права собственности к Российской Федерации. Это подтверждается, например, обращением к подпункту 6 пункта 2 той же статьи, действующему во взаимосвязи с положениями статьи 243 данного Кодекса и указывающему в качестве основания для принудительного изъятия имущества применение конфискации как негативного последствия совершения преступления или иного правонарушения. Публично-правовой характер этих административно-деликтной и уголовно-правовой мер не вызывает сомнений, и наличие в пункте 2 статьи 235 данного Кодекса указания на них как на основания прекращения права собственности не свидетельствует об их частноправовой природе.

Именно публично-правовая природа требований об обращении в доход Российской Федерации нажитого коррупционным путем имущества объясняет, в частности, и то обстоятельство, что в пункте 2 статьи 196 ГК Российской Федерации в качестве исключения из правила о том, что срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого он установлен, содержится отсылка к Федеральному закону «О противодействии терроризму», тогда как к федеральному законодательству о противодействии коррупции таковая не сделана: требование о возмещении

вреда имуществу, причиненного в результате террористического акта (на требования о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, исковая давность не распространяется в силу абзаца четвертого статьи 208 данного Кодекса), по своей природе не перестает быть гражданско-правовым, в отличие от требований, вытекающих из коррупционного поведения.

Использование процессуальной формы искового гражданского судопроизводства, посредством которой в рассматриваемых отношениях осуществляется обращение имущества в доход Российской Федерации, также выступает не проявлением их частноправовой природы, а способом обеспечения эффективных гарантий судебной защиты в публично-правовых отношениях, избранным законодателем для этой цели в рамках его дискреции с учетом того, что принудительное изъятие у частного лица имущества в пользу публичного образования по смыслу статей 35 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации должно осуществляться исключительно в судебном порядке.

5. Из исследованных судебных постановлений, принятых в результате рассмотрения исковых заявлений прокуроров об обращении имущества в доход Российской Федерации в связи с деяниями коррупционной направленности, и иных полученных Конституционным Судом Российской Федерации материалов, а также в целом как из национальной, так и из зарубежной практики борьбы с коррупцией следует, что должностные лица, совершающие такие деяния, предпринимают меры по сокрытию от контролирующих органов как самих нарушений, так и приобретенного путем их совершения имущества, в том числе посредством его передачи или регистрации на родственников и подконтрольных лиц (номинальных владельцев) в целях последующего пользования, владения и распоряжения им, включая его (и доходов от него) превращение или преобразование в иные активы, его приобщение к имуществу, приобретенному из законных источников. С этой целью они могут использовать компании в офшорных юрисдикциях, счета в зарубежных банках, механизмы владения и управления предприятиями через номинальных владельцев, также могут приискивать

покровителей в правоохранительных и контролирующих органах для прекращения проверок, подмены их результатов, а в целом – для избежания наступления для них неблагоприятных последствий. Иными словами, они применяют комплекс мер для оказания активного и целенаправленного противодействия органам контроля и проведению проверочных мероприятий, используют для этого властные полномочия и в ряде случаев должностные иммунитеты, а после оставления публично значимой должности – фактическое влияние на деятельность государственных институтов или их должностных лиц (коррупционные связи). Более того, такие лица в отдельных случаях выступают не только владельцами коррупционных активов, но и теми, кто в силу возложенных на них обязанностей должен контролировать соблюдение законодательства и бороться с коррупционными проявлениями, однако действуют не в интересах государства и общества, а в целях создания благоприятных условий собственному бизнесу и сохранения нелегального капитала. Подобное поведение является априори недобросовестным.

Обнаружение же деяний коррупционной направленности, приведших к противоправному завладению имуществом, установление обстоятельств его приобретения и приумножения требуют совершения уполномоченными на осуществление контроля органами время- и трудозатратных действий по выявлению коррупционных схем.

Как отмечалось, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П пришел к выводу, что применение института давности наступления неблагоприятных последствий противоправного поведения не предполагается, если подлежащее контролю лицо препятствовало осуществлению контроля и, соответственно, выявлению противоправного деяния, иначе возникала бы возможность злоупотребления правом с целью избежать в связи с истечением срока давности неблагоприятных последствий противоправного поведения. Как следует из названного Постановления, недобросовестное поведение лица, совершившего деяния коррупционной направленности, должно лишать это лицо оснований рассчитывать на институт давности как средство защиты своих незаконных

интересов. Данная правовая позиция, основанная на фундаментальных правовых предписаниях, сохраняет свою силу и применима в принципиальном плане и к антикоррупционным искам с учетом указанных особенностей противоправного поведения лиц, совершающих деяния коррупционной направленности.

При этом, если в указанном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации исходил из дискреции суда – в случае воспрепятствования налогоплательщиком осуществлению налогового контроля и проведению налоговой проверки – признавать уважительными причины пропуска налоговым органом срока давности привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности, то применительно к требованиям об обращении в доход Российской Федерации имущества, нажитого путем совершения деяний коррупционной направленности, имеются основания для универсализации подхода, состоящего в невозможности применения в данном случае давностного срока. Среди лиц, подлежащих налоговому контролю, могут быть как добросовестные, так и недобросовестные налогоплательщики; применительно же к лицам, в связи с совершением которыми деяний коррупционной направленности заявляется исковое требование об обращении в доход Российской Федерации имущества как незаконно нажитого, есть разумные правовые основания презюмировать использование схем сокрытия совершенных ими нарушений, которое затрудняет их выявление, а также выявление приобретенного посредством их совершения имущества.

По существу, лишь на основе собранной и надлежаще закрепленной информации прокурор приобретает реальную возможность подать антикоррупционный иск, чтобы он был обеспечен доказательствами, тем более когда они выходят за пределы количественного сопоставления доходов и расходов. Если точкой отсчета при исчислении срока исковой давности признавать начало работы по выявлению конкретных обстоятельств, то это не позволяло бы учесть, что ее ход может быть существенно затруднен принятыми и дополнительно принимаемыми совершившим коррупционное

деяние лицом мерами по сокрытию признаков своей противоправной деятельности. Более того, со стороны такого лица с учетом возможного наличия у него коррупционных связей может иметь место и противодействие своевременной подаче прокурором искового заявления, в частности за счет создания видимости формального истечения срока исковой давности.

Поэтому при подаче антикоррупционных исков препятствием для достижения правового эффекта, необходимого с точки зрения неотвратимости неблагоприятных последствий коррупционного поведения, может быть не только десятилетний срок с момента нарушения права или возникновения обязательства (пункт 2 статьи 196 и абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации), но и трехлетний срок исковой давности (пункт 1 статьи 196 ГК Российской Федерации), правила исчисления которого (пункт 1 статьи 200 ГК Российской Федерации) при определении начала его течения не гарантируют учета возможности противодействия со стороны лиц, совершивших деяния коррупционной направленности, установлению оснований для подачи антикоррупционного иска и собственно его подаче.

5.1. С учетом изложенного признание сроков исковой давности, как они универсальным образом регулируются оспариваемыми положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, применимыми к антикоррупционным искам, может породить целый ряд негативных последствий, несовместимых с принципами правового государства.

Прежде всего, применение регулируемых таким образом сроков исковой давности к требованиям об обращении в доход Российской Федерации имущества, нажитого посредством совершения деяний коррупционной направленности, может быть воспринято в обществе как то, что, вопреки существующей в силу Конституции Российской Федерации обязанности государства принимать эффективные меры по противодействию коррупции, по истечении некоторого срока – такого же, как установлен для случаев, не связанных с проявлениями коррупции, – государство отказывается от защиты основ конституционного строя и правовой демократии. Тем самым оно встает на сторону должностного лица, незаконно обогатившегося за счет

злоупотребления полномочиями, освобождает его от негативных последствий несоблюдения антикоррупционных требований и запретов, гарантирует сохранность его имущественного положения и фактически реабилитирует неправомерно нажитый им капитал, притом что обеспечение названных конституционных ценностей является обязанностью публичной власти перед единственным источником власти – народом Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 3 Конституции Российской Федерации). В таком случае данные лица будут поставлены в привилегированное положение, что в итоге ведет к поощрению коррупции и подрывает веру граждан в законность, добро и справедливость.

Согласно пункту 4 статьи 1 ГК Российской Федерации никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного и недобросовестного поведения. Вовлечение же в гражданский оборот коррупционных доходов или приобретенного на них имущества может ухудшать положение законопослушных хозяйствующих субъектов. Получение имущества коррупционным путем не предполагает возможности его легализации в гражданском обороте по прошествии времени. Оно продолжает создавать неконкурентное и несправедливое преимущество, направленное, по существу, против добросовестных участников рынка. В конечном счете данный подход будет дискредитировать гражданский оборот и правопорядок в целом, что само по себе противоречит целям установления исковой давности.

Применение содержащихся в оспариваемых положениях норм об исковой давности к указанной категории дел ослабляет правовое значение деятельности государственных институтов по выявлению фактов коррупции, поскольку их установление не будет иметь какой-либо практической ценности в силу прекращения судопроизводства по формальному основанию – ввиду истечения срока исковой давности. Это, в свою очередь, будет поощрять противоправную деятельность должностных лиц и стимулировать их к развитию более изощренных и надежных способов конспирации нелегального капитала, с тем чтобы предпринятых мер было достаточно для истечения срока исковой давности.

Применение института исковой давности без учета особенностей рассматриваемых отношений, таким образом, позволяло бы лицам, нарушающим антикоррупционные требования и запреты, извлекать из этого выгоду путем сохранения в их владении приобретенного вследствие таких нарушений имущества, что также непосредственно вступило бы, – по крайней мере, при распространении на эти отношения общего срока исковой давности и правил его исчисления, не учитывающих специфику выявления деяний коррупционной направленности, – в противоречие с целями данного института.

Показательно, что в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 года № 68/195 «Предупреждение коррупции и перевода коррупционных доходов, борьба с этими явлениями, содействие изъятию активов и возвращение таких активов законным владельцам, в частности в страны происхождения, в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции», помимо других рекомендуемых в целях борьбы с коррупцией мер, содержится призыв к государствам – участникам Конвенции устранить барьеры, препятствующие возвращению активов, в том числе посредством упрощения своих правовых процедур и предотвращения злоупотребления такими процедурами (пункт 14). Как отмечалось, ссылка в указанных случаях лица, совершившего деяние коррупционной направленности, или иных лиц, к таковому причастных (в том числе путем неправомерного обладания полученными путем коррупционных действий средствами), к которым предъявлено требование об обращении имущества в доход Российской Федерации, на истечение срока исковой давности как раз представляет собой такое злоупотребление.

5.2. Таким образом, в системе действующего правового регулирования, формируемого в том числе оспариваемыми в настоящем деле законоположениями, сложилось следующее положение дел. С одной стороны, общие гражданско-правовые нормы об исковой давности объективно не приспособлены для применения при обращении в доход Российской Федерации коррупционно нажитого имущества, а их применение без учета

специфики выявления деяний коррупционной направленности способно (в значительной степени) нивелировать антикоррупционную политику государства. С другой стороны, законодательство не содержит прямого нормативного указания на то, что к этим отношениям сроки исковой давности не применяются; не установлены и особенности продолжительности и (или) исчисления сроков исковой давности с учетом особенностей рассматриваемых отношений.

Именно отмеченным несовершенством правового регулирования в совокупности с пониманием неприменимости частноправового института исковой давности, как он регламентирован Гражданским кодексом Российской Федерации, к требованиям об обращении в доход Российской Федерации имущества, приобретенного путем совершения деяний коррупционной направленности, – ввиду не просто их публично-правовой природы, но и особенностей оснований таких требований и, соответственно, особенностей формирования доказательственной базы по ним – вызвана практика использования судами для неприменения исковой давности в этих правоотношениях правила абзаца второго статьи 208 данного Кодекса о том, что исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законом.

Обращение прокуроров с антикоррупционными исками направлено на защиту конституционно значимых ценностей (статьи 1, 4, 15, 67¹ и 75¹ Конституции Российской Федерации), которые по своей природе нематериальны. В то же время требование прокурора состоит именно в обращении конкретного имущества, находящегося у частного лица, в доход Российской Федерации. Это дает основания для нераспространения абзаца второго статьи 208 ГК Российской Федерации на соответствующие отношения, в том числе с учетом того, что в доктрине и практике преобладает понимание содержащейся в нем категории нематериальных благ как отсылающей к пункту 1 статьи 150 данного Кодекса, указывающей на нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу

закона. Поэтому абзац второй статьи 208 данного Кодекса сам по себе не является нормативной основой разрешения проблемы, связанной с неприемлемостью – с точки зрения Конституции Российской Федерации – применения исковой давности, как она урегулирована в настоящее время, к искам прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного путем совершения деяний коррупционной направленности.

5.3. Не решает вопроса о специальном сроке изъятия коррупционно нажитого имущества в доход Российской Федерации и о порядке его течения и обращение к положениям уголовного законодательства. По смыслу статьи 243 ГК Российской Федерации и статьи 104¹ УК Российской Федерации имущество, нажитое в результате преступления коррупционной направленности, подлежит принудительному безвозмездному изъятию (конфискации) судом в собственность Российской Федерации. Однако деяние коррупционной направленности, приведшее к незаконному обогащению, в системе действующего правового регулирования само по себе не обязательно признается преступным и не обязательно совпадает по объективной стороне с составом какого-либо преступления.

Более того, даже в случае совершения лицом преступления коррупционной направленности, повлекшего появление у него имущества, которое может образовать предмет антикоррупционного иска прокурора, истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности (статья 78 УК Российской Федерации) – как срока давности именно уголовного преследования, а не срока реализации иных средств обеспечения публичного правопорядка – не является безусловным препятствием для обращения этого имущества в доход Российской Федерации. Отказ государства от дальнейшего уголовного преследования по основанию истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности не опровергает факта совершения деяния, содержащего признаки преступления, не реабилитирует лицо, его совершившее, не избавляет и не может полностью избавить это лицо от негативных последствий его коррупционного поведения. В контексте действующего уголовного законодательства конфискация имущества в

соответствии со статьей 104¹ УК Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 243 ГК Российской Федерации как публично-правовая санкция уголовно-превентивного свойства может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания по нереабилитирующим основаниям (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 года № 5-П).

Истечение срока давности уголовного преследования влечет лишь невозможность применения к лицу правоограничений, составляющих уголовное наказание. Обращение же в доход Российской Федерации имущества как полученного путем совершения деяний коррупционной направленности, как отмечалось, не выходит за пределы имущественной сферы соответствующего лица, сформированной посредством совершения деяний коррупционной направленности. Поэтому сохраняющаяся возможность применения этой меры и после истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности – даже притом что преступлениями признаются наиболее опасные противоправные деяния – не создает дисбаланса в правовой системе.

Соответственно, в тех случаях, когда правовая судьба предмета преступления коррупционной направленности не определена судом в уголовно-процессуальном порядке (в связи с прекращением уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, сокрытием имущества от взыскания и др.) либо когда совершенное деяние коррупционной направленности не получало уголовно-правовой квалификации, вопрос об обращении имущества в доход Российской Федерации может быть разрешен судом в порядке рассмотрения антикоррупционного иска прокурора и за пределами срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Не влияет на данный вывод и то обстоятельство, что в Конвенции ООН против коррупции предусматривается, что каждое государство-участник в надлежащих случаях устанавливает согласно своему внутреннему законодательству длительный срок давности для возбуждения производства в

отношении любых преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией, и устанавливает более длительный срок давности или возможность приостановления течения срока давности в тех случаях, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, уклоняется от правосудия (статья 29). Это положение, отражая специфику коррупции как вида преступной деятельности, требующей длительного выявления и расследования, не может рассматриваться как подразумевающее обязательное наличие сроков давности наступления неблагоприятных последствий коррупционной деятельности, пусть и более длительных или текущих в особом порядке. Данная Конвенция подразумевает широкую дискрецию государств в сфере противодействия коррупции, а ее приведенное положение связывает содержащееся в нем регулирование именно со сферой уголовного преследования. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Россия была вправе ввести в правовое регулирование изъятие незаконных доходов или имущества, приобретенного на них, не в качестве уголовно-правовой санкции, а в качестве специальной меры, предусмотренной в рамках антикоррупционного законодательства для случаев незаконного обогащения (Постановление от 29 ноября 2016 года № 26-П), а соответственно, и решение вопроса о наличии сроков давности применительно к ним может быть иным.

5.4. В практике Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 24 июня 2009 года № 11-П, от 20 июля 2011 года № 20-П и от 24 марта 2017 года № 9-П), затрагивающей отношения с существенным публично-правовым элементом, содержание которых состояло во взыскании денежных сумм с частных лиц в пользу государственного бюджета, допускался вывод о применимости к ним гражданско-правовых сроков исковой давности в отсутствие специального решения вопроса о сроке, в течение которого могло быть осуществлено такое взыскание. Однако, оценивая возможность применения оспариваемых в настоящем деле норм к требованиям Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, занимающим

(занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе производного имущества, Конституционный Суд Российской Федерации не находит оснований для аналогичного вывода.

К срокам наступления правовых последствий деяния коррупционной направленности, состоящих в обращении нажитого в результате его совершения имущества в доход Российской Федерации, неприменимы, в частности, подходы, выраженные в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 11-П. В нем Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая механизм взыскания с хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства, в том числе отсутствие установленного законом специального срока давности, пришел к выводу, что, поскольку принудительное взыскание суммы, подлежащей перечислению в бюджет, осуществляется в исковом порядке, ограничение возможности такого взыскания пределами общего срока исковой давности, установленного гражданским законодательством, при отсутствии иного специально установленного применительно к данным правоотношениям срока согласуется с существующей системой правового регулирования и обеспечивает, по крайней мере, минимальные конституционные гарантии прав и законных интересов лиц, с которых взыскивается в бюджет полученный в результате нарушения антимонопольного законодательства доход.

Однако нарушения антимонопольного законодательства, являясь, бесспорно, противоправными деяниями, все же не равнозначны по масштабам влияния на общество и государство коррупционным нарушениям, что предопределяет особые требования к мерам реагирования на коррупционное поведение. Кроме того, нарушения антимонопольного законодательства хотя и затрагивают публичный интерес, но происходят большей частью в частноправовых отношениях и не подрывают в той же степени основы реализации публичной власти и ее социальную легитимность, что, как отмечалось, характерно для деяний коррупционной направленности. К тому

же, хотя нарушители антимонопольного законодательства также нередко действуют скрытно, влияние таких нарушений на интересы других субъектов предпринимательской деятельности или потребителей проявляется, как правило, более явно и непосредственно (давая тем самым основания для обращения в уполномоченные органы), чем воздействие деяний коррупционной направленности на права конкретных лиц, притом что последние нередко выступают непосредственными участниками коррупционных отношений и заинтересованы в сохранении их в тайне.

Тем более не сопоставимы с деяниями коррупционной направленности по степени противоправности, а также по содержанию всего комплекса сопутствующих им юридических фактов правоотношения, дающие основания для требований Российской Федерации, возникших в связи с предоставлением на возвратной и (или) возмездной основе бюджетных средств (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 года № 20-П), или для взыскания с налогоплательщика полученных им в порядке имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц денежных средств, в случае если для его предоставления отсутствовали законные основания (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2017 года № 9-П).

6. Таким образом, оценивая возможное влияние того или иного решения по рассматриваемому вопросу на баланс конституционных ценностей, Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что больший вред этим ценностям будет причинен при допущении применения к антикоррупционным искам исковой давности, как она в настоящее время урегулирована оспариваемыми законоположениями, без установления ее особенностей для соответствующих отношений. Констатация же того, что она в системе действующего правового регулирования не подлежит применению к этим отношениям, в большей степени согласуется с указанным балансом. Тем более, как следует из изложенного, хотя в правовой системе Российской Федерации установление законодателем сроков, ограничивающих возможность предъявления исковых заявлений прокуроров об обращении в

доход Российской Федерации имущества, приобретенного посредством деяний коррупционной направленности, не исключено, их наличие не является императивным конституционным требованием.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации исходит из всего комплекса правоотношений, складывающихся в связи с рассмотрением требований Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, занимавшим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе производного имущества. Конституционный Суд Российской Федерации также принимает во внимание состояние практики разрешения такого рода дел судами.

6.1. Рассматриваемый способ противодействия коррупции реализуется в процедуре гражданского искового судопроизводства, которая существенно отличается как от административно-деликтного и уголовного судопроизводства, так и от производства по искам о возмещении вреда (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2022 года № 27-П).

Применение соответствующих процессуальных правил предполагает наделение лица, в отношении которого разрешается вопрос об обращении принадлежащего ему имущества в доход Российской Федерации, максимальным объемом прав на представление в суд любых допустимых доказательств в подтверждение правомерности происхождения средств, затраченных на приобретение имущества (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 26-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2017 года № 1163-О и от 18 июля 2017 года № 1736-О). Ответчик не ограничен в выборе средств доказывания и реализует процессуальные права, представляя суду доказательства своей позиции как в части добросовестности своего поведения при исполнении должностных обязанностей и отсутствия причинно-

следственной связи между их исполнением и его благосостоянием, так и в части наличия законных источников приобретения имущества.

Суд же обязан принимать любые допустимые Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации доказательства законности доходов независимо от того, когда эти средства были получены, отражены ли они в соответствующей справке (декларации) или были обнаружены государственными органами в ходе проведения контрольных мероприятий (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 26-П; Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2017 года).

При этом, когда требование прокурора основано на совершении лицом, занимавшим публично значимую должность, конкретных деяний коррупционной направленности, в результате которых приобретено имущество, об обращении которого в доход Российской Федерации подан иск, предполагается доказывание прокурором совершения таких деяний, причинно-следственной связи между ними и последующим приростом имущества ответчика, т.е. факта извлечения противоправного дохода за счет своего положения, с его помощью или под его прикрытием.

Соответственно, в зависимости от обстоятельств дела истцу надлежит доказывать, что лицо, на которое распространяются антикоррупционные запреты, совмещало публичные функции с коммерческой и иными видами запрещенной для него деятельности, принимало лично либо опосредованно участие в управлении активами и формировании их структуры, использовало свой статус и (или) предоставленные полномочия вопреки публичным интересам в корыстных целях, совершало иные деяния коррупционной направленности, извлекало доход от указанных действий. В случае если имущество, полученное путем совершения деяний коррупционной

направленности, или доходы от него были частично или полностью превращены или преобразованы в иные активы, прокурор должен доказать факт такого превращения или преобразования.

Такое распределение бремени доказывания по антикоррупционным искам, в той части, в какой их основания выходят за пределы оценки количественного соотношения доходов и расходов, учитывает охраняемые законом интересы ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела доказательств.

6.2. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, федеральный законодатель призван обеспечивать правовую определенность, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности и создавая все необходимые условия для эффективной защиты гарантированного статьей 35 Конституции Российской Федерации права собственности и иных имущественных прав (постановления от 14 мая 2012 года № 11-П, от 21 мая 2021 года № 20-П, от 26 апреля 2023 года № 21-П и др.).

При обращении имущества в доход Российской Федерации по антикоррупционным искам необходимость обеспечения баланса конституционных ценностей, включая вышеуказанные, предполагает, что не должны нарушаться права и законные интересы добросовестных третьих лиц, не принимавших участия в организации и приведении в исполнение в целях незаконного обогащения коррупционных злоупотреблений, но являющихся участниками имущественных правоотношений с лицом, совершившим деяние коррупционной направленности, а также с подконтрольными ему или связанными с ним юридическими и физическими лицами (например, имеющих акции (доли) в тех же хозяйственных обществах или состоящих с ними в договорных отношениях).

Поддержание стабильности хозяйственных связей и правомерных ожиданий участников гражданского оборота в таком случае – обязанность

государства, действующего в лице уполномоченных органов, осуществляющих управление имуществом, обращенным в доход государства, вытекающая как из принципа поддержания доверия к закону и действиям государства (статьи 1 и 75¹ Конституции Российской Федерации), предполагающего, что уполномоченные органы обязаны принимать решения исходя из внимательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение прав, так и из равных с иными субъектами гражданского права начал участия публично-правовых образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 года № 1-П, от 22 июня 2017 года № 16-П, от 2 июля 2020 года № 32-П, от 12 марта 2021 года № 6-П, от 28 декабря 2022 года № 59-П и др.). То есть имеются основания исходить из того, что интересы добросовестных участников правоотношений должны быть в результате обеспечены даже при обращении имущества лиц, совершивших деяние коррупционной направленности, в доход Российской Федерации.

Во всяком случае не предполагается обращение в доход Российской Федерации имущества, приобретенного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, и затем отчужденного совершившим коррупционное деяние лицом лицу, которое, приобретая имущество, не знало, не могло и не должно было знать об источнике его происхождения, что не препятствует взысканию в доход Российской Федерации эквивалента этого имущества у такого отчуждателя, а также установлению сохранения фактической принадлежности данного имущества лицу, которое формально осуществило его отчуждение, и (или) членам его семьи с применением соответствующих правовых последствий. Это согласуется и с положениями Конвенции ООН против коррупции об определении последствий коррупционных деяний с надлежащим учетом добросовестно приобретенных прав третьих сторон (пункт 9 статьи 31 и статья 34).

Тем самым в рамках действующего правового регулирования может обеспечиваться баланс правомерного частного и публичного интересов и при неприменении положений Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности к требованиям об обращении имущества – как приобретенного путем совершения деяний коррупционной направленности – в доход Российской Федерации.

6.3. Рассматривая дела по исковым заявлениям прокурора об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, занимавшим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе производного имущества, суды неоднократно и на протяжении долгого времени исходили преимущественно из того, что исковая давность к данным правоотношениям не применяется. Такой подход не вызывал сомнений при отказе в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, а первым заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителями Председателя Верховного Суда Российской Федерации оснований для отмены состоявшихся судебных актов, обжалуемых в том числе по этому основанию, не было установлено. Иной же подход хотя и встречался в судебной практике, но не имел широкого распространения.

Однако Верховный Суд Российской Федерации в определениях от 25 июня 2024 года № 45-КГ24-6-К7 и от 23 июля 2024 года № 18-КГ24-51-К4, принятых уже после направления Краснодарским краевым судом запроса в Конституционный Суд Российской Федерации, выразил позицию о применимости института исковой давности к правоотношениям по обращению имущества в доход Российской Федерации в рамках исковой работы прокуроров в сфере противодействия коррупции, притом что нормы Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности, а также положения Федерального закона «О противодействии коррупции», равно как и любое иное регулирование в этой сфере, остались прежними.

Само по себе правомочие Верховного Суда Российской Федерации корректировать судебную практику (статья 126 Конституции Российской Федерации) не ставится под сомнение. В то же время не может не учитываться, что требование разумной предсказуемости правового регулирования, вытекающее из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, в полной мере распространяется на случаи, когда при отсутствии должной нормативной определенности правового регулирования встает вопрос об обеспечении единства правоприменительной практики в рамках установленной Конституцией Российской Федерации компетенции Верховного Суда Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2013 года № 29-П).

С одной стороны, по смыслу статей 2 и 18 Конституции Российской Федерации, как правило, отсутствуют основания для негативной правовой оценки такой корректировки судебной практики, которая увеличивает гарантии прав и законных интересов граждан во взаимоотношениях с органами публичной власти. С другой стороны, нарушение коррупцией принципов справедливости и равенства, иных конституционных ценностей по своей сути таково, что в правоотношениях по обращению в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, занимавшим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе производного имущества, публичный интерес не может рассматриваться как интерес исключительно уполномоченных органов. Фактически в этих правоотношениях интерес лица, предположительно совершившего деяние коррупционной направленности, противопоставлен интересам не только общества в целом, но и каждого не причастного к коррупционной деятельности гражданина. Поэтому доверие граждан к закону и к действиям государства, в том числе к судебной системе, может оказаться под угрозой, когда происходит радикальное изменение практики, приводящее – в отличие от ранее преобладавшего и не ставившегося под сомнение

Верховным Судом Российской Федерации вектора правоприменения – к освобождению лиц, предположительно совершивших деяния коррупционной направленности и получивших от этого имущественную выгоду, от неблагоприятных последствий совершения этих деяний по основанию, которое может быть воспринятым значительной частью граждан как формальное. При этом тем, что оспариваемые законоположения позволяют – особенно с учетом отмеченной динамики судебного толкования – при сходных обстоятельствах приходиться к взаимоисключающим выводам о применимости сроков исковой давности, ставится под сомнение и соблюдение принципа равенства в отношении граждан, к которым предъявляются такие иски.

7. Таким образом, взаимосвязанные статьи 195, 196, пункт 1 статьи 197, пункт 1 и абзац второй пункта 2 статьи 200, абзац второй статьи 208 ГК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 8, 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 75¹, в той мере, в какой судебное толкование позволяет рассматривать установленные ими общие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности и правила их течения в качестве распространяющихся на требования Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, что не позволяет обеспечить учет особенностей деяний, в связи с которыми возникают основания для таких требований.

Соответственно, в действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации

имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, считается неустановленным.

Поскольку наличие срока (сроков), ограничивающего (ограничивающих) возможность предъявления исковых заявлений прокуроров, не является необходимым в российской правовой системе, к дискреции федерального законодателя относится решение вопроса об установлении такого срока (сроков) с учетом соотношения конституционно значимой задачи противодействия коррупции с другими ценностями и целями. При признании нынешнего положения дел – отсутствия таких сроков – адекватно отражающим в конкретно-исторических условиях общественные потребности федеральный законодатель вправе воздержаться от каких-либо нормативных изменений.

С учетом изложенного, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации в качестве особенностей исполнения настоящего Постановления полагает возможным установить, что на федерального законодателя не возлагается предусмотренная частью четвертой статьи 79 и пунктом 1 статьи 80 указанного Федерального конституционного закона обязанность внести изменение в действующее правовое регулирование в связи с принятием настоящего Постановления, а на Правительство Российской Федерации, соответственно, не возлагается обязанность внести в Государственную Думу соответствующий законопроект.

В случае же установления федеральным законодателем срока (сроков) давности для требований Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации

имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, законодателю необходимо следовать содержащимся в настоящем Постановлении правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, касающимся обязательности учета особенностей деяний, в связи с которыми возникают основания для таких требований, что предполагает: установление существенно превышающих, соответственно, три и десять лет сроков (срока) давности; невключение в соответствующие сроки (срок) периода, когда лицо, нарушение которым требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, послужило основанием искового заявления, сохраняло формализованное или фактическое положение (коррупционные связи), позволяющее оказывать влияние на деятельность государственных институтов или их должностных лиц; определение начала течения этих сроков (этого срока) со дня выявления в установленном порядке Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненными ему прокурорами фактов нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, и приобретения имущества вследствие этих нарушений; закрепление иных специальных правил течения срока давности; сочетание этих правовых инструментов. При этом не должно допускаться применение такого срока (сроков) в случае противодействия ответчика либо иных лиц по инициативе ответчика выявлению Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненными ему прокурорами обстоятельств нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции и незаконного обогащения, либо формированию доказательственной базы для обращения в суд с иском заявлением, либо обращению с таким заявлением.

Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым подчеркнуть, что сделанный в настоящем Постановлении вывод относится

только к исковым заявлениям Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров, содержащим требования об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано. Он не может быть автоматически распространен на решение вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к иным, помимо указанных, исковым заявлениям Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров, направленным на передачу имущества публично-правовым образованиям или признание их права на имущество, в том числе основанным на нарушении порядка приватизации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные статьи 195, 196, пункт 1 статьи 197, пункт 1 и абзац второй пункта 2 статьи 200, абзац второй статьи 208 ГК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 8, 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 75¹, в той мере, в какой судебное толкование позволяет рассматривать установленные ими общие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности и правила их течения в качестве распространяющихся на требования Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие

нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, что не позволяет обеспечить учет особенностей деяний, в связи с которыми возникают основания для таких требований.

2. В действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, считается неустановленным.

В случае же установления федеральным законодателем срока (сроков) давности для требований Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, законодателю необходимо следовать выраженным в настоящем Постановлении правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, касающимся обязательности учета особенностей деяний, в связи с которыми возникают

основания для таких требований. При этом не должно допускаться применение такого срока (сроков) в случае противодействия ответчика либо иных лиц по инициативе ответчика выявлению Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненными ему прокурорами обстоятельств нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции и незаконного обогащения, либо формированию доказательственной базы для обращения в суд с исковым заявлением, либо обращению с таким заявлением.

Сделанный в настоящем Постановлении вывод относится только к исковым заявлениям Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров, содержащим требования об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, и не может быть автоматически распространен на решение вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к иным, помимо указанных, исковым заявлениям Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров, направленным на передачу имущества публично-правовым образованиям или признание их права на имущество, в том числе основанным на нарушении порядка приватизации.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 49-П

Конституционный Суд
Российской Федерации